

РОССИЯ VS ЕВРОПА В ПОВЕСТИ В.А. СОЛЛОГУБА «ТАРАНТАС»

Н.Ю. Темникова

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
Самарский государственный университет путей сообщения
г. Самара, Российская Федерация*

В статье рассмотрены способы языкового воплощения оппозиции «Россия – Европа» в повести В.А. Соллогуба «Тарантас», выявлена моделирующая роль этой оппозиции в текстовом построении смысловых структур с разнообразным содержанием – идейным, историко-культурным, этическим, психологическим.

Ключевые слова: В.А. Соллогуб, западники, славянофилы, оппозиция «свое – чужое», идеологический дискурс, лексическая антонимия, лингвопрагматика.

Проблема «Россия vs Европа» – одна из ключевых проблем в русской литературе нового времени. Особенно активно к ней обращались авторы, пишущие в жанре путешествия. Почти во всех русских травелогах (описаниях путешествий), к какому бы времени они ни принадлежали, можно найти материал для темы «Европа и Россия», поскольку очевидно то колоссальное влияние, которое оказали на Россию европейская культура и европейская мысль. Кроме того, в описании путешествия всегда предполагается встреча с «сильно отличающимся от нас „другим“» [2, с. 44], а через этого «другого» – познание себя.

В своей статье мы обратимся к анализу повести В.А. Соллогуба «Тарантас», в самом названии которой содержится идея перемещения в пространстве, путешествия. Сегодня имя Соллогуба не стоит в ряду классиков ни «первого», ни «второго» ранга, тогда как до 50-х гг. XIX в. оно было одним из самых блестящих литературных имен (по свидетельству П.Д. Боборыкина, Соллогуба знали и читали больше Тургенева [3, с. 66]). Белинский в 1845 году утверждал: «“Тарантас“ – столько же новое, сколько и прекрасное произведение, которое своим появлением составило бы эпоху и не в такое бедное изящными созданиями время, каково наше» [1].

Несмотря на то, что в «Тарантасе» герои путешествуют не по Европе, а по России (они едут из Москвы в казанскую деревню Мордасы), в про-

изведении постоянно проводится разделение русского и европейского миров. Это разделение символизирует чрезвычайно обострившееся в 1840-е годы протитоворство двух идеологических направлений русской мысли – славянофильства и западничества. Таким образом, текст Соллогуба, обладающая высокой степенью художественности (как писал В.Г. Белинский, «идея этого произведения прекрасна и глубока, а все сочинение проникнуто удивительною целостностью и совершенным единством» [1]), в то же время тесно связан с идеологическими практиками конкретного исторического момента.

Л.Г. Чапаева в статье «Антонимические прагмемы славянофильско-западнического дискурса» отмечает, что и для славянофилов, и для западников характерно членить окружающий мир на свое и чужое, при этом антагонизм проявляется внутри каждого дискурса, реализуя в качестве принципа речевого мышления антитезу [10, с. 79]. Антитеза, по словам А.П. Чудинова, становится в идеологическом дискурсе одним из центральных средств акцентирования оценочных смыслов [11, с. 92–93].

Действительно, антитеза своего и чужого, русского и европейского в повести играет важнейшую моделирующую роль: на ее основе возникает «антонимическая лингвокультурологическая парадигма» [10, с. 79], строятся смысловые структуры разнообразного содержания – идейного, этического, психологического и т. д. Эта лингвокультурная парадигма эксплицируется посредством прагматических антонимов (прагматические лексемы, или, по терминологии М. Эпштейна, прагмемы, – слова, в которых предметное и оценочное значения жестко связаны между собой [12]).

Для реализации антитезы России и Европы в тексте повести используется ряд прагмоантонимов. Добавление семантического компонента «европейское» или «русское» к парам лексических единиц, вступающих в отношения антонимии, приводит к их символизации.

Таким символическим значением обладает в тексте прежде всего оппозиция *просвещения* и *дикарства*: первый член оппозиции становится знаком Европы, второй – России.

Следует сказать, что отношение к просвещению (которое ассоциируется именно с Европой) – важнейший пункт рефлексии главного героя повести – Ивана Васильевича, который пытается изучать Россию (он долго жил за границей и там пришел к выводу о необходимости узнать как можно больше о своей родине). В образе самого Ивана Васильевича Соллогуб вывел пародию на «прогрессивного» русского человека, который, *благодаря бестолковому направлению* (то есть неправильному воспитанию. – Н.Т.), *вырос французиком в степной деревне, в самом русском захолустье*

[6, с. 236]. Одет он во все иностранное (на нем английский макинтош, французские панталоны; *палка, на которой он упирается, куплена у Вердье* [6, с. 144]). При этом он отнюдь не относится к числу по-настоящему просвещенных, европейски образованных людей. *Это был человек слабого свойства*, – говорит о нем автор. – ... Иногда углублялся он в какую-нибудь заманчивую для него науку, но все это было случайно, нетвердо, лихорадочно [6, с. 239].

Антонимические прагматы в тексте повести обрастают контекстными синонимами. Так, в славянофильском дискурсе *просвещение* становится синонимом *глупости, безнравственности и нечистоты*. Ср.: *Долго желала я погулять на Западе, ...взглянуть поближе на европейское просвещение... В Германии удивила меня глупость ученых; ... во Франции опротивела мне безнравственность и нечистота* [6, с. 181]. Как видим, здесь возникает контекстная синонимия понятий, которые в языке являются антонимами.

С другой стороны, *просвещение*, наряду с такими понятиями, как *свобода* и *польза*, в контексте семантически сближается с идеями мелочности, эгоизма и расчета. См. примеры: ... *Иван Васильевич объездил всю Европу, и, ...приглядываясь к мелким страстям, прикрытым громкими именами общей пользы, свободы и просвещения, он понял, как велика и прекрасна во многом его отчизна* [6, с. 144]; *В Европе чистые чувства задушены пороками и расчетом* [6, с. 130].

Антонимом просвещения в тексте выступает *дикарство*, которое символизирует русского мужика, русский народ. В синонимический ряд антонима *дикарство* контекстуально включаются слова с положительной коннотацией: *сила, богатырство, продолжение жизни*. Ср.: *Сенька в бараньей шкуре, словно дикарь ледовитых пустынь; в высшем гу ...смотрят на него [мужика – Н.Т.] как на дикаря Алеутских островов, а в нем-то и таится зародыш русского богатырского духа, начало нашего отечественного величия* [6, с. 154]. Как видим, Соллогуб отражает здесь расхожие представления славянофилов о русском мужике, крестьянине как о существе первобытном: «В этом первобытном русском человеке мы искали, что именно соответственно русскому человеку, в чем он нуждается, и что следует ему развивать» [4, с. 90].

Показательно, что за рамками славянофильско-западнического дискурса данная смысловая парадигма оказывается недействительной: другой герой повести, Василий Иванович, который, в отличие от своего легкомысленного спутника Ивана Васильевича, по-настоящему глубоко знает Россию, дает русскому мужику следующие характеристики: *Хитрые бы-*

вают бестии! [6, с. 154]; *Лихой народ, нечего сказать!* [Там же]).

Антитеза русского и европейского воспринимается в славянофильском дискурсе также в терминах *естественное – фальшивое, живое – мертвое*. Сравните:

Европа

... все **нарумянено, раскрашено, фальшиво; всюду мишура и фальга...** [6, с. 191]

В Риме Ивану Васильевичу **совестно** было и **подумать о такой ничтожной пылинке**, как он сам, **перед колоссальным памятником, воздвигнутым гениями искусства над трупом** человеческого честолюбия. В первое время Иван Васильевич даже на улицах говорил **вполголоса**, как бы **перед покойником** [6, с. 241].

Россия

...**Освободить ребенка**, бросить в **печку театральный хлам** и **обратиться снова к естественным**, к родным началам.

Ищу современного, народного, живого... [6, с. 266].

В качестве еще одной оппозиции славянофильско-западнического дискурса, отраженной в соллогубовском тексте, следует назвать оппозицию *прошлого и настоящего* как частную реализацию более общей контрверзы *старого и нового*. Указанная оппозиция имеет в повести непосредственное отношение к пространственной антонимии – противопоставлению «старой» Москвы и «нового» Петербурга: Москва обладает «семейственностью», она вся наполнена родными воспоминаниями (*Москва – сердце России, и это сердце бьется благородным чувством ко всему отечественному* [6, с. 177]), Петербург же воспринимается как часть Европы внутри России, в его залах танцуют и говорят по-французски и ни у кого нет семейных воспоминаний: *Ни в одном доме не найдешь ты дедовских следов: ни фамильной утвари, ни признаков уважения к предкам – все поглощается на удовлетворение модных затей...* [6, 174].

Всем выявленным выше семантическим оппозициям синонимично в тексте повести противопоставление *народа и чиновничества*. Последнее ассоциируется с европеизированным Петербургом (не случайно *Петербург кажется огромным департаментом, и даже строения его глядят министрами, директорами, столоначальниками...* [6, с. 172]), а первый – с русской провинцией, к которой можно отнести и Москву. В чиновниках *нет ничего русского: ни нрава, ни обычая...* [6, с. 153]. Русский народ является в

славянофильском дискурсе объектом любви, чиновничество – ненависти: *Все, что я могу почерпнуть о русском народе и о его преданиях, о русском мужике и о русском боярине, которых я люблю душевно, точно так, как я душевно ненавижу чиновника и то уродливое безыменное сословие, которое возникло у нас от грязного притязания на какое-то жалкое, непонятное просвещение* [6, с. 153]. Обратим внимание и на такой характерный для рассматриваемого типа дискурса маркер, как *русский боярин*, который отсылает нас к традиционной для славянофилов ориентации на некое идеальное прошлое Руси.

Однако в самом тексте подчеркивается шаблонность славянофильских представлений, их явное несоответствие **реальной жизни**. Соллогуб описывает, как герой, встретив чиновника, *отскакивает от него, словно от гоголевской нечистой силы: ...вдруг Иван Васильевич с внезапным ужасом отскочил на три шага назад. Навстречу к нему подходил чиновник* [6, с. 253]. Однако чиновник оказывается вовсе не чертом и не захватчиком-злодеем (вспомним Сухово-Кобылина: «Было на землю нашу три нашествия: набегали Татары, находил Француз, а теперь чиновники облегли» [7]), а обыкновенным человеком, вызывающим сострадание: это больной старик, который вынужден тянуть ляжку службы, потому что у него восемь человек детей, которых надо кормить, слепой брат и две сестры. При этом он, вопреки расхожему мнению, живет исключительно на жалованье: *Начальство теперь строгое, смотрит за нашим братом... Что год, то пять-шесть человек в уголовную...* [6, с. 254].

В интимно-человеческих, отнюдь не официальных интонациях описывает Соллогуб и станционного смотрителя, за которого подорожные подписывает сын Ваня, потому что у отца «второй год обе руки, обе ноги отнялись»: *Одиннадцать лет всего, а уж пишет... - Бедный страдалец взглянул с невыразимым чувством нежности на белокурого мальчика, лежавшего в тулупе подле него. - Ну, Ваня, вставай, прописывай... Дай мне подорожную* [6, с. 257]. Мы видим здесь очевидную переключку не с гоголевскими чиновниками из «Ревизора» или «Мертвых душ», а с пушкинским станционным смотрителем. Герой сам осознает, насколько усвоенные им штампы далеки от реальности: *Странное дело! – подумал, задумавшись, Иван Васильевич. – Когда я входил в эту комнату, мне хотелось сердиться и презирать или по крайней мере насмеяться вдоволь; а теперь, сказать правду, едва ли не плакать хочется* [6, 257].

Чрезвычайно интересно, что, изображая в повести борьбу двух диаметрально противоположенных идеологических течений – славянофи-

лов и западников, – Соллогуб показывает, что оба типа мироотношения существуют в сознании одного человека. Об этом свидетельствует кульминация повести – сон Ивана Васильевича. Автор показывает здесь две полярно противоположные картины России, две крайности ее восприятия – одна является своего рода иллюстрацией первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева [9] (то есть воплощает представления западников), другая – отражением славянофильских мечтаний, и обе невыразимо далеки от действительности.

В первой части сна читательскому взору открывается кошмарная, фантазмагорическая картина, где атрибуты русского фольклора и русской культуры (*балалайка, медведь*) мешаются с европейскими *вицмундирами, ботфортами, шапками и визитными карточками: Огромный медведь сидел, скорчившись, на камне и играл плясовую на балалайке. ... Кочерги в вицмундирах, летучие мыши в очках, разряженные в пух франты с визитной карточкой вместо лица под шляпой, ... женщины с усами и в ботфортах, пьяные тиявки в длиннопольх сюртуках, напудренные обезьяны во французских кафтанах* [6, с. 267]. Очевидно, что здесь Соллогуб наглядно воплотил чаадаевскую идею о слепом, поверхностном и бестолковом подражании русских Европе.

Этому кошмарному миру противопоставляется идиллический мир второй части сна, где *дома весело сияют чистотой, гостиницы манят путешественников в свои чистые покои, а над золотыми куполами звучные колокола гудят благословением над братской семьей православных* [6, 271]. Эта идеальная картина будущего явлена уже в совершенно маниловских интонациях: *Россия владычествует над вселенной не одними громадными силами, но и духовным высоконравственным успокоительным влиянием...* [6, 275]. Но прекрасные грезы Ивана Васильевича прерываются в тексте кульминационной сценой опрокидывания тарантаса...

К сожалению, посетив во сне эту славянофильскую эпоху, по выражению Белинского, Иван Васильевич ни на йоту не приблизился к пониманию России, и Соллогуб это подчеркивает с помощью путевой тетради, в которую Иван Васильевич намеревался заносить впечатления от поездки и которая, как ему мечталось, должна была прославить его в будущем. Однако тетрадь эта не просто осталась пустой, но и почти буквально канула в Лету (*Тарантас лежал во рву вверх колесами... Книга путевых впечатлений утонула навеки на дне влажной пропасти* [6, с. 279]). Очевидно, что эта чистая тетрадь свидетельствует о категорическом непонимании славянофилами русской жизни, о бессмысленности их «пафосной болтовни о том, как нам обустроить Россию» [5].

В то же время очевидно, что резкое противопоставление концептов «Россия» и «Европа» по всевозможным признакам – пространственному, временному, аксиологическому, этическому – свидетельствует об упрощенности, шаблонности славянофильско-западнического дискурса в целом. Демонстрируя этот факт, автор подвергает данный дискурс иронической дискредитации.

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба // Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. II. М., 1948. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0860.shtml. Дата доступа: 27.03.2023.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева. Москва: Логос, 2003. 350 с.
3. Боборыкин П.Д. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 1965.
4. Кошелев А. И. Записки // Русское общество 40– 50-х годов XIX в. М. : Изд-во МГУ, 1991. Ч. 1.
5. Петухов В.Д. Русская провинция в повести В. А. Соллогуба «Тарантас». [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1680122267&tld=ru&lang=ru&name=13_Петухов.pdf&text=петухов%20провинциальный%20текст&url=http%3A%2F%2Funivers-plus.ru. Дата доступа: 20.03.2023.
6. Соллогуб В.А. Тарантас // Соллогуб В.А. Повести и рассказы / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.И. Якушина. М.: Сов. Россия, 1988. С. 143-280.
7. Сухово-Кобылин А. Картины прошедшего. Л.: Наука, 1989. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/sukhovo-kobylin_kartiny_proshedshego_1989_text.pdf. Дата доступа: 22.01.2023.
8. Темникова Н. Ю. Образ пространства в повести В.А. Соллогуба "Тарантас" // Наука и культура России : Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Самара, 01 января – 30 2012 года. Том 2. Самара: Самарский государственный университет путей сообщения, 2012. С. 109-112. EDN PBETRX.
9. Чаадаев П.Я. Философические письма: М.: Эксмо, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1680122440&tld=ru&lang=ru&name=1462098690.pdf&text=чаадаев%20философические%20письма&url=http%3A%2F%2Flibrary.khpg.org>. Дата доступа: 20.03.2023.
10. Чапаева Л.Г. Антонимические прагмемы славянофильско-западнического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 79-84. [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/temna/Downloads/antonimicheskie-pragmemy-slavyanofilsko-zapadnicheskogo-diskursa%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/temna/Downloads/antonimicheskie-pragmemy-slavyanofilsko-zapadnicheskogo-diskursa%20(2).pdf). Дата доступа: 05.02.2023.

11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 2007.

12. Эшпгейн М.Н. Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33. [Электронный ресурс]. URL: https://lk.msu.ru/uploads/attachments/attachment_624_1491389970.pdf. Дата доступа: 13.02.2023.

УДК 811.161.1.06

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЗАМЕНА КАК СПОСОБ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦИТАТ И КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ИЗ БАРДОВСКОЙ ПЕСНИ В ПРЕССЕ

И.В. Шумкина

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье рассматривается самый распространённый вид трансформации интертекстуальных компонентов – лексическая замена: выявлены два основных направления данной трансформации, а также наиболее продуктивные модели.

Ключевые слова: цитата, крылатое выражение, бардовская песня, трансформация, лексическая замена.

В современной лингвистике одним из центральных аспектов при исследовании функционирования цитат, крылатых выражений, фразеологизмов, прецедентных текстов является их вариативность и трансформационный потенциал. Это обусловлено тем, что варьируемость является одним из основных свойств разного рода интертекстуальных компонентов. Как отмечают Д.О. Добровольский и Ю.Н. Караулов в отношении фразеологических единиц, это «заложено в самой природе владения ими носителями языка» [2: 97].

В газетно-журнальной практике последних десятилетий активизация интертекстуальных компонентов в большинстве сопровождается их модификацией. В.Н. Вакуров пишет, что основной причиной трансформации является «конкретизация их [фразеологизмов] значения, стремление увязать семантику, эмоциональное и стилевое значение с конкретными, неповторимыми условиями контекста» [1: 112]. Вариации прецедентных единиц помогают оживить, усилить их выразительность. Как замечает М.А. Ковшова,